

~~Q 81~~
~~G 196~~

MR¹ $\frac{\text{XII. A. 7}}{8}$

81
1886

МК

ЧУЖАЯ ЖЕНА

И

МУЖЬ ПОДЪ КРОВАТЬЮ.

(ПРОИСШЕСТВИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ.)

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ, ПЕРЕДЪЛАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 40 коп.

Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

—○○○○—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ДО СЕГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛИ и РАЗДАЮТСЯ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 томы (*).

закрывающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій **Ф. Достоевскаго**, графа **Л. Толстаго**, **А. Писемскаго** и **Вс. Крестовскаго**.

Предпринятое мною изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ имѣеть цѣлю—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимся въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы,—то, для наибольшаго распространенія, издаваемое мною Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простираться до 50.

Вышедшіе донынѣ девять выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **Ф. М. Достоевскаго**, въ новомъ, просмотрѣнномъ, передѣланномъ и дополненномъ новыми произведеніями изданіи; графа **Л. Н. Толстаго**, **А. Ф. Писемскаго**, *просмотрѣнный и передѣланный авторомъ* (съ портретомъ автора при

(*) Десятый и одиннадцатый томы печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

881
196

ЧУЖАЯ ЖЕНА

И

МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЮ.

(ПРОИСШЕСТВИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ.)

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПЕРЕДЪЛАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Издание и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауберта, № 27, вг С. Петербургъ.

—:~:~:~:—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

АНЖАЖ РАЖУР

и

МУЖЬ ПОДЪ КРОВАТЮ.

(проникновенно изъяснено)

О. М. ДОСЛОВСКОГО.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 20-го Октября, 1866 г.

НОВОЕ ПЕРВООДНОЕ ИЗДАНИЕ

Издано и распространено

О. СТЕЛЛОВСКОГО.

Поставщикъ Его Императорскаго Величества. Въ типографіи О. Стелловскаго, въ С.-Петербургѣ, на углу Большой Садовой и Екатерининскаго проспекта, въ домѣ № 2—49.

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, На углу Большой Садовой и Екатерининскаго проспекта, въ домѣ подь № 2—49, въ С.-Петербургѣ.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

и

МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЬЮ.

(ПРОИСШЕСТВІЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ.)

I.

— Сдѣайте одолженіе, милостивый государь, позвольте васъ спросить...

Прохожій вздрогнулъ и нѣсколько въ испугѣ взглянулъ на господина въ енотахъ, приступившаго къ нему такъ безъ обиняковъ, въ восьмомъ часу вечера, среди улицы. А ужъ извѣстно, что если одинъ петербургскій господинъ вдругъ заговорить на улицѣ о чемъ нибудь съ другимъ, совершенно незнакомымъ ему господиномъ, то другой господинъ непременно испугается.

И такъ, прохожій вздрогнулъ и нѣсколько испугался.

— Извините, что я васъ потревожилъ, говорилъ господинъ въ енотахъ:—но я... я, право, не знаю... вы, вѣроятно, извините меня; вы видите, я въ нѣкоторомъ разстройствѣ духа...

Тутъ только замѣтилъ молодой человекъ въ бешкетѣ, что господинъ въ енотахъ былъ точно въ разстройствѣ. Его сморщенное лицо было довольно блѣдненько, голосъ его дрожалъ, мысли очевидно сбивались, слова не лѣзли съ языка, и видно было, что ему ужаснаго труда стоило согласить

покорнѣйшую просьбу, можетъ быть, къ своему низшему въ отношеніи степени или сословія лицу, съ нуждою непременно обратиться къ кому нибудь съ просьбой. Да и наконецъ, просьба эта во всякомъ случаѣ была неприличная, несолидная, странная со стороны человѣка, имѣвшаго такую солидную шубу, такой почтенный, превосходнаго темнозеленаго цвѣта фракъ, и такія многозначительныя украшенія, упещравшія этотъ фракъ. Видно было, что все это смущало самого господина въ еботахъ, такъ что, наконецъ, разстроенный духомъ, господинъ не выдержалъ, рѣшился подавить свое волненіе и прилично замаять неприятную сцену, которую самъ же вызвалъ.

— Извините меня, я не въ себѣ; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обезпокоилъ васъ; я раздумалъ.

Тутъ онъ приподнялъ изъ учтивости шляпу и побѣжалъ далѣе.

— Но позвольте, сдѣлайте милость.

Маленькій человѣкъ, однако, скрылся во мракѣ, оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи господина въ бекешѣ.

«Что за чудакъ!» подумалъ господинъ въ бекешѣ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, подивившись и вышедъ наконецъ изъ остолбенѣлаго состоянія, онъ вспомнилъ про свое и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, пристально глядя на ворота одного безконечно-этажнаго дома. Начиналъ падать туманъ, и молодой человѣкъ нѣсколько обрадовался, ибо прогулка его при туманѣ была незамѣтнѣе, хотя, впрочемъ, только какой нибудь безнадежно весь день простоявшій извозчикъ могъ замѣтить ее.

— Извините!

Прохожіи опять вздрогнули: опять тотъ же господинъ въ еботахъ стоялъ передъ нимъ.

— Извините, что я опять... заговорилъ онъ:— но вы, вы—вѣрно, благородный человѣкъ! Не обращайтесь на меня вниманія, какъ на лицо, взятое въ общественномъ смыслѣ; я, впрочемъ, сбиваюсь; но вникните, по человѣчески... передъ вами, сударь, человѣкъ, нуждающійся въ покорнѣйшей просьбѣ...

— Если могу... что вамъ угодно?

— Вы, можетъ, подумали, что ужъ я у васъ денегъ прошу! сказалъ таинственный господинъ, кривя ротъ, истерически смѣясь и блѣднѣя.

— Помилуйте-съ...

— Нѣтъ, я вижу, что я вамъ въ тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня въ разстроенномъ состояннн духа, почти въ сумасшествнн и не заключите чего нибудь...

— Но въ дѣлу, къ дѣлу! отвѣчалъ молодой человѣкъ, ободрительно и нетерпѣливо кивнувъ головой.

— А! Теперь вотъ какъ! Вы, такой молодой человѣкъ, мнѣ напоминаете о дѣлѣ, какъ будто я какой нерадивый мальчишка! Я рѣшительно выжилъ изъ ума!.. Какъ я вамъ кажусь теперь въ моемъ униженнн, скажите откровенно?

Молодой человѣкъ сконфузился и смолчалъ.

— Позвольте васъ спросить откровенно: не видали ль вы одной дамы? Въ этомъ вся просьба моя! рѣшительно проговорилъ, наконецъ, господинъ въ снотовой шубѣ.

— Дамы?

— Да-съ, одной дамы.

— Я видѣлъ... но ихъ, признаюсь, такъ прошло много...

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ таинственный человѣкъ съ горькой улыбкой.—Я сбиваюсь, я не то хотѣлъ спросить, извините меня; я хотѣлъ ска-

зять, не видали ль вы одной госпожи въ лисьемъ салопѣ, въ темномъ бархатномъ капорѣ съ черной вуалью?

— Нѣтъ, такой не видалъ... нѣтъ, кажется, не замѣтилъ.

— А! въ такомъ случаѣ, извините-сь!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то спросить, но господинъ въ еботахъ опять исчезъ, опять оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи своего терпѣливаго слушателя. «А чортъ бы его взял!» подумалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, очевидно разстроенный.

Онъ съ досадою закрылся бобромъ и опять сталъ прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо воротъ безконечно-этажнаго дома. Онъ злился.

— Что жъ она не выходитъ? думалъ онъ:— скоро восемь часовъ!

На башнѣ пробило восемь часовъ.

— Ахъ! чортъ васъ возьми, наконецъ!

— Извините-сь!..

— Извините меня, что я васъ такъ... Но вы такъ подкатились мнѣ подъ ноги, что испугали совѣмъ, проговорилъ прохожій, морщась и извиняясь.

— Я опять къ вамъ-сь. Конечно, я вамъ долженъ казаться безпокойнымъ и страннымъ-сь.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ пустяковъ, объяснитесь скорѣе; я еще не знаю, въ чемъ ваше желанье?..

— Вы торопитесь? Видите ли-сь. Я вамъ все расскажу откровенно, безъ лишнихъ словъ. Что жъ дѣлать! Обстоятельства связываютъ иногда людей совершенно разнородныхъ характеровъ... Но я вижу, вы нетерпѣливы, молодой человѣкъ... Такъ вотъ-сь... впрочемъ, я не знаю, какъ и говорить: я иду даму-сь (я ужъ рѣшился все говорить). Я

именно долженъ знать, куда пошла эта дама? Кто она—я думаю, вамъ не нужно знать ея имени, молодой человѣкъ.

— Ну-съ, ну-съ, дальше.

— Дальше! но вашъ тонъ со мной! Извините, можетъ быть, я васъ оскорбилъ, назвавъ васъ молодымъ человѣкомъ, но я не имѣлъ ничего... однимъ словомъ, если вамъ угодно оказать мнѣ величайшую услугу, такъ вотъ-съ, одна дама-съ, т. е. я хочу сказать порядочная женщина, изъ превосходнаго семейства, моихъ знакомыхъ... мнѣ поручено... я, видите ли, самъ не имѣю семейства...

— Ну-съ.

— Вникните въ мое положеніе, молодой человѣкъ (ахъ, опять! извините-съ; я все называю васъ молодымъ человѣкомъ). Каждая минута дорога... Представьте себѣ, эта дама... но не можете ли вы мнѣ сказать, кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Да... тутъ много живутъ.

— Да, т. е. вы совершенно справедливы, отвѣчалъ господинъ въ енотахъ, слегка засмѣявшись для спасенія приличій:—чувствую, я немного сбиваюсь... но къ чему такой тонъ вашихъ словъ? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что сбиваюсь, и если вы надменный человѣкъ, то ужъ вы достаточно видѣли мое униженіе... Я говорю, одна дама, благороднаго поведенія, т. е. легкаго содержанія,—извините, я такъ сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вотъ—выдумали, что Поль-де-Кокъ легкаго содержанія, а вся бѣда отъ Поль-де-Кока-то-съ... вотъ!..

Молодой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на господина въ енотахъ, который, казалось, окончательно сбился, замолчалъ, глядѣлъ на него бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, безъ вся-

кой видимой причины, хваталъ его за лацканъ бекеша.

— Вы спрашиваете, кто здѣсь живетъ? спросилъ молодой человѣкъ, нѣсколько отступая назадъ.

— Да, многіе живутъ, вы сказали.

— Здѣсь.. я знаю, что здѣсь Софья Остафьевна тоже живетъ, проговорилъ молодой человѣкъ шопотомъ и даже съ какимъ-то соболѣзнованіемъ.

— Ну, вотъ видите, видите! вы чтонибудь знаете, молодой человѣкъ?

— Увѣряю васъ, нѣтъ, ничего не знаю.. Я судилъ по разстроенному вашему виду.

— Я тотчасъ узналъ отъ кухарки, что она сюда ходитъ; но вы не на то напали, т. е. не къ Софьѣ Остафьевнѣ... она съ ней незнакома...

— Нѣтъ? ну извините-съ...

— Видно, что вамъ это все неинтересно, молодой человѣкъ, проговорилъ странный господинъ съ горькой ироніей.

— Послушайте, сказалъ молодой человѣкъ заминаясь:— я въ сущности не знаю причины вашего постоянія, но вамъ вѣрно измѣнили, вы скажите орямо?

Молодой человѣкъ одобрительно улыбнулся.

— Мы, по крайней мѣрѣ, поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, и все тѣло его великодушно обнаружило желаніе сдѣлать легкій полу-поклонъ.

— Вы убили меня! но—откровенно признаюсь вамъ—именно такъ... но съ кѣмъ не случается!.. До глубины тронуть вашимъ участіемъ. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молодецъ, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостежью, извѣстно...

— Ну, ужъ извѣстно, извѣстно! Но чѣмъ же я могу вамъ помочь?

— А вотъ-съ; согласитесь, что посѣщать Софью Остафьевну... Впрочемъ, я еще не знаю навѣрно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она въ этомъ домѣ; но, видя васъ прогуливающимся—а я самъ прогуливался по той сторонѣ—думаю... я, вотъ, видите ли, жду эту даму... я знаю, что она тутъ—мнѣ бы хотѣлось встрѣтить ее и объяснить, какъ неприлично и гнусно... однимъ словомъ, вы меня понимаете...

— Гм! Ну!

— Я и не для себя это дѣлаю; вы не подумайте—это чужая жена! Мужъ тамъ стоитъ, на Вознесенскомъ мосту; онъ хочетъ поймать, но онъ не рѣшается—онъ еще не вѣритъ, какъ и всякій мужъ... (тутъ господинъ въ енотахъ хотѣлъ улыбнуться), я—другъ его; согласитесь сами, я человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ—я не могу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-съ; ну-съ, ну-съ!..

— Такъ вотъ, я все ее ловлю; мнѣ поручено-съ (несчастный мужъ!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вѣчно Поль-де-Кокъ подъ подушкой); я увѣренъ, что она прошмыгнетъ какънибудь незамѣтно... Мнѣ, признаюсь, кухарка сказала, что она ходитъ сюда; я какъ сумасшедшій бросился, только что извѣстіе получилъ; я хочу поймать; я давно подозрѣвалъ, и потому хотѣлъ просить васъ, вы здѣсь ходите... вы—вы— я не знаю...

— Ну, да, наконецъ, что жъ вамъ угодно?

— Да-съ... Не имѣю чести знать васъ; не смѣю любопытствовать, кто и какъ... Во всякомъ случаѣ, позвольте познакомиться; пріятный случай!..

Дрожащій господинъ жарко потрясъ руку молодого человѣка.

— Это бы я долженъ былъ сдѣлать въ самомъ

началъ, прибавилъ онъ:—но я забылъ все приличіе!

Говоря, господинъ въ енотахъ не могъ постоять на мѣстѣ, съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ, сѣменя ногами, и поминутно, какъ погибающій, хватался рукою за молодаго человѣка.

— Видите ли-съ, продолжалъ онъ, я хотѣлъ обратиться къ вамъ по-дружески... извините за вольность... хотѣлъ испросить у васъ, чтобъ вы ходили—по той сторонѣ и со стороны переулка, гдѣ черный выходъ, эдакъ, *похожемъ*, описывая букву П, то есть. Я тоже съ своей стороны буду ходить-съ у главнаго подъѣзда, такъ что мы не пропустимъ; а я все боялся одинъ пропустить; я не хочу пропустить. Вы, какъ увидите ее, то остановите и кричите мнѣ... Но я сумасшедшій! Только теперь вижу всю глупость и неприличіе моего предложенія!

— Нѣтъ, что жъ! помиуйте!...

— Не извиняйте меня; я въ разстройствѣ духа, я теряюсь, какъ никогда не терялся! Точно меня подъ судъ отдали! Я даже признаюсь вамъ—я буду благородень и откровенень съ вами, молодой человѣкъ: я даже васъ принималъ за любовника!

— То есть, по просту, вы хотите знать, что я здѣсь дѣлаю?

— Благородный человѣкъ, милостивый государь, я далекъ отъ мысли, что вы онъ; я не замараю васъ этою мыслию, но... но даете ли вы мнѣ честное слово, что вы не любовникъ?..

— Ну, хорошо, извольте честное слово, что любовникъ, но не вашей жены; иначе бы я не былъ на улицѣ, а былъ бы теперь вмѣстѣ съ нею!

— Жены? кто вамъ сказалъ жены, молодой человѣкъ? Я холо... ой, я, то есть, самъ любовникъ...

— Вы говорили, есть мужъ... на Вознесенскомъ мосту...

— Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другія узы! И согласитесь, молодой человѣкъ, нѣкоторая легкость характеровъ, то есть...

— Ну, ну! Хорошо, хорошо!..

— То есть, я вовсе не мужъ...

— Очень вѣрно-сь. Но откровенно говорю вамъ, что, разувѣряя васъ теперь, хочу самъ себя успокоить, и отъ того собственно съ вами и откровененъ; вы меня разстроили и мѣшаете мнѣ. Общаю вамъ, что вликну васъ. Но прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ мѣсто и удалиться. Я самъ тоже жду.

— Извольте, извольте-сь, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпѣніе вашего сердца. Я понимаю это, молодой человѣкъ. О, какъ я васъ теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо...

— До свиданія!.. Впрочемъ, извините, молодой человѣкъ, я опять къ вамъ... Я не знаю, какъ сказать... Дайте мнѣ еще разъ честное и благородное слово, что вы не любовникъ!

— Ахъ, Господи, Богъ мой!

— Еще вопросъ, послѣдній: вы знаете фамилію мужа вашей... т. е. той, которая составляетъ вашъ предметъ?

— Разумѣется, знаю; не ваша фамилія и кончено дѣло!

— А почему жъ вы знаете мою фамилію?

— Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдетъ тысячу разъ... Ну, что же вы? Ну, ваша въ лисьемъ салонѣ и въ капорѣ, а моя въ клѣтчатомъ плащѣ и въ голубой бархатной шляпкѣ... Ну, что жъ вамъ еще? чего жъ больше?

— Въ голубой бархатной шляпкѣ! У ней есть

и клѣтчатый плащъ и голубая шланка, закричалъ неотвязчивый человѣкъ, мигомъ возвратившись съ дороги.

— Ахъ, чортъ возьми! Ну, да вѣдь это можетъ случиться... Да, впрочемъ, что жь я! Моя же туда не ходитъ!

— А гдѣ она—ваша?

— Вамъ это хочется знать; что жь вамъ?

— Признаюсь, я все про то...

— Фу, Богъ мой! Да вы безъ стыда безъ всякаго! Ну, у моей здѣсь знакомые, въ третьемъ этажѣ, на улицу. Ну, что жь вамъ, по именамъ людей называть, что ли?

— Богъ мой! И у меня есть знакомые въ третьемъ этажѣ, и окна на улицу. Генераль...

— Генераль?!

— Генераль. Я вамъ, пожалуй, скажу, какой генераль: ну, генераль Половицннъ.

— Вотъ тебѣ на! Нѣтъ, это не тѣ! (Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми!)

— Не тѣ?

— Не тѣ.

Оба молчали и въ недоумѣннн смотрѣли другъ на друга.

— Ну, что жь вы такъ смотрите на меня? вскрикнулъ молодой человѣкъ, съ досадою отряхая съ себя столбнякъ и раздумье. — Господишь заметался.

— Я, я, признаюсь...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, позвольте, теперь будете говорить умнѣе. Общее дѣло. Объясните мнѣ... Кто у васъ тамъ?..

— То есть знакомые?

— Да, знакомые...

— Вотъ видите, видите! Я по глазамъ вашимъ вижу, что я угадалъ!

— Чортъ возьми! да нѣтъ же, нѣтъ, чортъ возьми! слѣпы вы, что ли? вѣдь я передъ вами стою, вѣдь я не съ ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочемъ, мнѣ все равно; хотъ говорите, хотъ нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ повернулся два раза на каблукъ и махнулъ рукой.

— Да я ничего, помилуйте, какъ благородный человѣкъ, я вамъ все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она имъ родня; я и не подозрѣвалъ; вчера встрѣчаю его превосходительство: говоритъ, что ужъ три недѣли, какъ переѣхалъ отсюда на другую квартиру, а же... т. е. не жена, а чужая жена (на Вознесенскомъ мосту), эта дама говорила, что еще третьяго дня была у нихъ, т. е. на этой квартирѣ... А кухарка-то мнѣ рассказала, что квартиру его превосходительства снялъ молодой человѣкъ Бобыницынъ...

— Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми!..

— Милостивый государь, я въ страхѣ, я въ ужасѣ!

— Э, чортъ возьми! да мнѣ-то какое дѣло до того, что вы въ страхѣ и въ ужасѣ? Ахъ! вонъ-вонъ мелькнуло, вонъ...

— Гдѣ? гдѣ? вы только крикните: Иванъ Андреечъ, а я побѣгу...

— Хорошо, хорошо. Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! Иванъ Андреечъ!!

— Здѣсь, закричалъ воротившійся Иванъ Андреечъ, совсѣмъ задыхаясь. Ну, что? что? гдѣ?

— Нѣтъ, я только такъ... я хотѣлъ знать, какъ зовутъ эту даму?

— Глаф...

— Глафира?

— Нѣтъ, не совсѣмъ Глафира... извините, я вамъ не могу сказать ея имя. Говоря это, почтенный человѣкъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Да, конечно, не Глафира, я самъ знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а, впрочемъ, съ кѣмъ же она?

— Гдѣ?

— Тамъ! Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! (Молодой человѣкъ не могъ устоять на мѣстѣ отъ бѣшенства).

— А, видите! почему же вы знали, что ее зовутъ Глафирой?

— Ну, чортъ возьми, наконецъ! еще съ вами возня! Да вѣдь вы говорите вашу не Глафирой зовутъ!..

— Милостивый государь, какой тонъ!

— А, чортъ, не до тону! Что она, жена, что-ли, ваша?

— Нѣтъ, т. е. я не женатъ... Но не сталь бы я сулить почтенному человѣку въ несчастіи, человѣку—не скажу достойному всякаго уваженія, но по крайней мѣрѣ воспитанному человѣку, чорта на каждомъ шагу. Вы все говорите: чортъ возьми! чортъ возьми!

— Ну да, чортъ возьми! вотъ же вамъ, понимаете?

— Вы ослѣплены гнѣвомъ, и я молчу. Боже мой, кто это?

— Гдѣ?

Раздался шумъ и хохотъ; двѣ смазливья дѣвушки вышли съ крыльца; оба бросились къ нимъ.

— Ахъ какіе! что вы?

— Куда вы суетесь?

— Не тѣ!

— Что, не на тѣхъ напали! Извощикъ!

— Куда васъ, мамзель?

— Къ Покрову; садись, Аннушка, я доведу.

— Ну, а я съ той стороны; пошелъ! Смотри же, шибче вези!..

Извозчикъ уѣхалъ.

— Это откуда?

— Боже мой, Боже! Но не пойдти ли туда!

— Куда?

— Да къ Бобынищину.

— Нѣтъ-съ, нельзя...

— Отъ чего?

— Я бы, конечно, пошелъ; но тогда она скажетъ другое; она... обернется: я ее знаю! Она скажетъ, что нарочно пришла, чтобъ меня поимать съ кѣмъ нибудь, да бѣду на меня же и свалить!

— И знать, что, можетъ быть, тамъ она! Да вы—я не знаю, почему же—ну, да вы подите къ генералу-то...

Да вѣдь онъ переѣхалъ!

— Все равно, понимаете? она же вѣдь пошла; ну, и вы тоже—поняли? Сдѣлайте такъ, что какъ будто не знаете, что генераль переѣхалъ, приходите какъ будто къ нему за женой, ну и такъ далѣе.

— А потомъ?

Ну, а потомъ накрывайте кого слѣдуетъ у Бобынищину; фу, ты, чортъ, какой безтолк...

— Ну, а вамъ-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!...

— Что, что, батенька? что? опять за тоже, что прежде? Ахъ, ты, Господи, Господи! Срамитесь вы, смѣшной человѣкъ, безтолковый вы человѣкъ!

— Ну, да зачѣмъ же вы такъ интересуетесь? вы хотите узнать...

— Чтó узнать? что? Ну, да чортъ возьми, не до васъ теперь! Я и одинъ пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бѣгайте тамъ, ну!

— Милостивый государь, вы почти забываетесь! закричалъ господинъ въ еботахъ въ отчаяніи.

— Ну, что жь? ну, что жь, что я забываюсь? преговорилъ молодой человѣкъ, стиснувъ зубы и въ бѣшенствѣ пристуная къ господину въ ено-тахъ:—ну, что жь? передь кѣмъ забываюсь?! за-гремѣлъ онъ, сжимая кулаки.

— Но, милостивый государь, позвольте...

— Ну, кто вы, передь кѣмъ забываюсь; какъ ваша фамилія?

— Я не знаю, какъ это, молодой человѣкъ; за-чѣмъ же фамилію?.. Я не могу объявить... Я луч-ше съ вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готовъ... Но повѣрьте, я заслуживаю болѣе вѣжливыхъ выраженій! Не нужно нигдѣ терять присутствія духа, и если вы чѣмъ разстроены—я догадываюсь чѣмъ, — то по крайней мѣрѣ забы-ваться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человѣкъ!..

— Да что мнѣ, что вы старій? Эка невидаль! ступайте прочь; чего вы тутъ бѣгаете?..

— Почему жь я старій? какой же я старій? Конечно, по званію, но я не бѣгаю...

— Это и видно. Да убирайтесь же прочь...

— Нѣтъ, ужь я съ вами; вы мнѣ не можете запретить; я тоже замѣшанъ; я съ вами...

— Ну, такъ тише же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лѣстницу въ третій этажъ; было темнехонько.

— Стойте! Есть у васъ спички?

— Спички? какія спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! есть, есть; здѣсь онѣ, здѣсь; вотъ, постоитъ!.. Господинъ въ енотахъ засуетился.

— Фу, какой безтолков... чорты! кажется, эта дверь...

— Эта — эта — эта — эта — эта...

— Эта — эта — эта... что вы орете? тише!..

— Милостивый государь, я, скрѣпя сердце... вы дерзкій человекъ, вотъ что!..

Вспыхнулъ огонь.

— Ну, такъ и есть, вотъ мѣдная дощечка! вотъ Бобыницынъ; видите: Бобыницынъ?..

— Вижу, вижу!

— Ти...ше! Что, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?

— Да, нужно! отозвался господинъ въ енотахъ.

— Стучитесь!

— Нѣтъ, зачѣмъ же я? вы начните, вы постучите...

— Трусъ!

— Сами вы трусы!

— Уб-бир-райтесь же!

— Я почти раскаяваюсь, что повѣрилъ вамъ тайну; вы...

— Я? Ну, что жъ я?

— Вы воспользовались разстройствомъ моимъ! вы видѣли, что я въ разстроенномъ духѣ...

— А наплевать! мнѣ смѣшно—вотъ и кончено!

— Зачѣмъ же вы здѣсь?

— А вы-то зачѣмъ?..

— Прекрасная нравственность! замѣтилъ съ негодованіемъ господинъ въ енотахъ...

— Ну, что вы про нравственность? вы-то чего?

— А вотъ и безнравственно!

— Что?!!

— Да, по вашему, каждый обиженный мужъ есть козпакъ!

— Да вы развѣ мужъ? Вѣдь мужъ-то на Вознесенскомъ мосту? Что жъ вамъ-то? Чего вы пристали?

— А вотъ мнѣ кажется, что вы-то и есть любовникъ!..

— Послушайте, если вы будете такъ продол-
жать, то я долженъ буду признаться, что вы-то и
есть колпакъ! т. е. знаете кто?

— Т. е. вы хотите сказать, что я мужъ! ска-
заль господинъ въ енотахъ, какъ будто кипяткомъ
обваренный, отступая назадъ.

— Тес! молчать! слышите...

— Это она.

— Нѣтъ!

— Фу! какъ темно!

Все затихло; въ квартирѣ Бобыницына, послы-
шался шумъ.

— За что намъ ссориться, милостивый госу-
дарь? прошепталъ господинъ въ енотахъ.

— Да вы же, чортъ возьми, сами обидѣлись!

— Но вы меня вывели изъ послѣднихъ границъ.

— Молчите!

— Согласитесь, что вы еще очень молодой че-
ловѣкъ...

— Мо-д-чите же!

— Конечно, я согласенъ съ вашей идеей, что
мужъ въ такомъ положеніи — колпакъ.

— Да замолчите-ли вы? о!..

— Но къ чему же такое озлобленное преслѣ-
дованіе несчастнаго мужа?..

— Это она!

Но шумъ въ это время умолкъ.

— Она?

— Она! она! она! Да вы-то, вы-то изъ чего хло-
почете? вѣдь не ваша бѣда!

— Милостивый государь, милостивый государь!
бормоталъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя и всхли-
пывая: — я, конечно, въ разстройствѣ... вы доста-
точно видѣли мое униженіе; но теперь ночь, ко-
нечно, но завтра... впрочемъ, мы, вѣрно, не встрѣ-
тимся завтра, хотя я и не боюсь встрѣтиться съ

вами, — и, это, впрочемъ, не я, это мой пріятель, который на Вознесенскомъ мосту; право, онъ! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человѣкъ! увѣряю васъ. Я съ нимъ знакомъ хорошо; позвольте, я вамъ все расскажу. Я съ нимъ другъ, какъ вы можете видѣть, ибо не сталъ бы я такъ теперь изъ-за него сокрушаться, — сами видите; я же нѣсколько разъ ему говорилъ: зачѣмъ ты женишься, милый другъ? знаніе есть у тебя, достатокъ есть у тебя, почтенный ты человѣкъ, что жъ мѣнять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нѣтъ, женюсь, говоритъ: семейное счастье... Вотъ и семейное счастье! Сначала самъ мужей обманывалъ, а теперь и пьетъ чашу... вы извините меня, но это объясненіе было вынуждено необходимостію!.. Онъ несчастный человѣкъ, и пьетъ чашу — вотъ!.. Тутъ господинъ въ енотахъ такъ всхлипнулъ, какъ будто зарыдалъ не на шутку.

— А чортъ бы взялъ ихъ всѣхъ! Мало ли дураковъ! Да вы кто такой?

Молодой человѣкъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Ну, ужъ послѣ этого, согласитесь сами... я былъ съ вами благороденъ и откровененъ... этакимъ тономъ!

— Нѣтъ, позвольте, вы меня извините... какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилія?

— А!!

— Миѣ нельзя сказать фамилію...

— Шабрина знаете? быстро сказалъ молодой человѣкъ.

— Шабринъ!!!

— Да, Шабринъ! а!!! (Тутъ господинъ въ бешѣ нѣсколько поддразнилъ господина въ енотахъ). — Поняли дѣло?

— Нѣтъ-съ, какой же Шабринъ! отвѣчалъ оторопѣвшій господинъ въ енотахъ:— совсѣмъ не Шабринъ; онъ почтенный человѣкъ! Извиняю вашу невѣжливость мученіями ревности.

— Мошенникъ онъ, продажная душа, взяточникъ, плуть, казну обворовалъ! Его скоро подъ судъ отдадутъ!

— Извините, говорилъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя:— вы его не знаете; совершенно, какъ я вижу, онъ вамъ не извѣстенъ.

— Да, въ лицо-то не знаю, а изъ другихъ очень близкихъ ему источниковъ знаю.

— Милостивый государь, изъ какихъ источниковъ? Я въ разстройствѣ, вы видите...

— Дуракъ! ревнивецъ! за женой не усмотритъ! Вотъ онъ какой, коль пріятно вамъ знать!

— Извините, вы въ ожесточенномъ заблужденіи, молодой человѣкъ...

— Ахъ!

— Ахъ!

Въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ахъ, это не она, не она! Я узнаю ея голосъ; я теперь узвалъ все, это не она! сказалъ господинъ въ енотахъ, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

— Молчать!

Молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ.

— Милостивый государь, я бѣгу: это не она, я очень радъ.

— Ну, ну! ступайте, ступайте!

— А чего жъ вы стоите?

— А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господинъ въ енотахъ, не выдержавъ, стремглавъ покатился съ лѣстницы.

Мимо молодого человѣка прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло... Послышался зна-

комый женскій голосъ, и потомъ сильный мужской, но совсѣмъ незнакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, говорилъ сильный голосъ.

— Ахъ! ну, ну, согласна; ну, прикажите...

— Они тамъ, сейчасъ.

Дама осталась одна.

— Глафира! гдѣ твои клятвы? вскричалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Твороговъ? Боже мой! что вы дѣлаете?

— Съ кѣмъ вы здѣсь были?

— Но это мой мужъ, уйдите, уйдите, онъ сейчасъ выйдетъ оттуда, отъ Половицкихъ; уйдите, ради Бога, уйдите.

— Половицкины три недѣли какъ переѣхали! Я все знаю!

— Ай! Дама бросилась на крыльцо. Молодой человѣкъ догналъ ее.

— Кто вамъ сказалъ? спросила дама.

— Мужъ вашъ, сударыня, Иванъ Андреичъ; онъ здѣсь, онъ передъ вами, сударыня...

Иванъ Андреичъ дѣйствительно стоялъ у крыльца.

— Ай, это вы? закричалъ господинъ въ енотовой шубѣ.

— А! c'est vous? закричала Глафира Петровна, съ неподдѣльною радостью бросаясь къ нему: — Боже! что со мной было? Я была у Половицкихъ; можешь себѣ представить... ты знаешь, что они теперь у Измайловскаго моста; я говорила тебѣ, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбѣсились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагахъ; кучера взяли; я была внѣ себя. Къ счастью, М-г Твороговъ...

— Какъ?

М-г Твороговъ походилъ болѣе на окаменѣлость, чѣмъ на М-г Творогова.

— М-г Твороговъ увидалъ меня здѣсь и взялся проводить; но теперь вы здѣсь, и я могу вамъ только изъяснить мою жаркую благодарность, Иванъ Ильичъ...

Дама подала руку остолбенѣлому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сказала ее.

— М-г Твороговъ! мой знакомый; на балѣ у Скородуповыхъ имѣли удовольствіе видѣться; я, кажется, говорила тебѣ? Неужели ты не помнишь, коко?

— Ахъ, конечно, конечно! ахъ, помню! заговорилъ господинъ въ еотовой шубѣ, котораго называли коко.— Очень пріятно, очень пріятно.

И онъ жарко пожалъ руку г. Творогову.

— Это съ кѣмъ? Что же это значить? Я жду... раздался сильный голосъ.

Передъ группою стоялъ господинъ безконечнаго роста; онъ вынулъ лорнетъ и внимательно посмотрѣлъ на господина въ еотовой шубѣ.

— Ахъ, М-г Бобыницынъ! защебетала дама: — откуда? вотъ встрѣча! Представьте, меня тотчасъ разбила лошадь... но вотъ мой мужъ! Jean! М-г Бобыницынъ, на балѣ у Карповыхъ...

— Ахъ, очень, очень, очень пріятно!.. Но я сейчасъ возьму карету, мой другъ.

— Возьми, Jean, возьми: я вся въ испугѣ; я дрожу; со мной даже дурно... Сегодня въ маскарадѣ, шепнула она Творогову... Прощайте, прощайте, г. Бобыницынъ! мы вѣрно встрѣтимся завтра на балѣ у Карповыхъ...

— Нѣтъ, извините, я завтра не буду; я ужъ завтра того, коль теперь не такъ... Г. Бобыницынъ проворчалъ что-то еще сквозь зубы, шаркнулъ сапожищемъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ.

Подѣхала карета; дама сѣла въ нее. Господинъ

въ енотовой шубѣ остановился; казалось, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать движенія и бессмысленно смотрѣлъ на господина въ бекешѣ. Господинъ въ бекешѣ улыбался довольно неостроумно.

— Я не знаю...

— Извините, очень радъ быть знакомымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кланяясь съ любопытствомъ и немного сробѣвъ.

— Очень, очень радъ...

— У васъ, кажется, свалилась калоша...

— У меня? Ахъ, да! благодарю, благодарю; хочу все завести резинныя...

— Въ резиновыхъ нога какъ будто потѣеть-съ, сказала молодой человѣкъ, повидимому, съ безгра ничнымъ участіемъ.

— Jean! да скоро ли ты?

— Именно потѣеть. Сейчасъ, сейчасъ, душенька, вотъ разговоръ интересный! Именно, какъ вы изволили замѣтить, потѣеть нога... Впрочемъ, извините, я...

— Помилуйте-съ.

— Очень, очень, очень радъ познакомиться...

Господинъ въ енотахъ сѣлъ въ карету; карета тронулась; молодой человѣкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, въ изумленіи провожая ее глазами.

II.

На другой же вечеръ шло какое-то представле ніе въ итальянской оперѣ. Иванъ Андреевичъ вор вался въ залу какъ бомба. Еще никогда не замѣ чали въ немъ такого *figure*, такой страсти къ му зыкѣ. По крайней мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрап нуть часокъ другой въ итальянской оперѣ; даже

отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; «да и примадонна-то тебѣ», говаривалъ онъ друзьямъ: «мяукаетъ, словно бѣленькая кошечка, колыбельную пѣсенку.» Но онъ это уже давно что-то говаривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однакожъ онъ все-таки ворвался, какъ бомба, въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ взглянулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ же наклонилъ глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятаннаго на всякій случай кинжала. Нужно замѣтить, что въ то время процвѣтали двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались *** *зисты*, другіе *** *нисты*. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры наконецъ рѣшительно стали опасаться какого нибудь очень рѣшительнаго проявленія любви ко всему прекрасному и высокому, совмѣщавшемуся въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго, и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго принца:

Когда ужъ старость падаетъ такъ страшно,
Что жъ юность?.. и т. д.

и, какъ было сказано выше, наклонился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облетѣлъ взглядомъ всѣ ложи втораго яруса и — о, ужасъ! сердце его замерло: она была здѣсь! она

сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генераль Половѣцкѣ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала, — чрезвычайно ловкій молодой человѣкъ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но — о, ужась! статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвѣстности.

Она была здѣсь, а между тѣмъ сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-то двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юноша и повергъ его наконецъ въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отъ чего бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенуара, и въ добавокъ предательская ложа втораго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ что онъ, къ величайшей своей неприятности, рѣшительно не могъ замѣтить, что дѣлалось надъ его головою. За то онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, т. е., онъ не слыхалъ ни одной ноты. Говорятъ, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкальныя впечатлѣнія подъ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный — печаль; въ ушахъ Ивана Андреевича завывала дѣлая буря. Къ довершенію досады, сзади, спереди, съ боку кричали такіе страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ, актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героемъ случилось

такое приключеніе, кторое никакое перо не опишетъ.

Случается, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложь слетаетъ афишка. Когда пьеса скучна и зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключеніе. Особенно съ участіемъ смотрять они на полетъ этой чрезвычайно мягкой бумаги съ самаго верхняго яруса и находятъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ кресель, гдѣ она непременно уляжется на чью нибудь, вовсе неприготовленную къ этому случаю голову. Дѣйствительно, очень любопытно смотрѣть, какъ эта голова сконфузится (потому что она непременно сконфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежатъ за частую на бордюрахъ ложь: мнѣ все такъ и кажется, что они вотъ тотчасъ слетятъ на чью нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сдѣлалъ такое трагическое примѣчаніе и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыя предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у васъ въ домѣ, рекомендуя извѣстнаго г-на Принчипе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже и иностранныхъ, какъ то пруссаковъ и проч.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до сихъ поръ еще нигдѣ неописанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно плѣшивую — не афишка. Признаюсь, я даже совѣщусь сказать, что къ нему слетѣло на голову, потому что, дѣйствительно, какъ то совѣстно объявить, что на почтенную и обнаженную, то-есть отчасти лишениую волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, на примѣръ, любов-

ная раздушенная записочка. По крайней мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ будто поймалъ на своей головѣ мышъ или другаго какого нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія, въ этомъ ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски малую форму, такъ что ее можно было скрыть подъ дамскою перчаткой. Упала же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи; какъ нибудь спрашивали, напримѣръ, афишку, и ужъ записочка проворно была ввернута въ эту афишку, уже передавалась въ извѣстныя руки, но одинъ мигъ, можетъ быть, нечаянный толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости, и записочка выскользнула изъ маленькой дрожавшей отъ смущенія ручки, а статскій юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки, одну афишку, съ которой рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Неприятный, страшный случай! совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще неприятнѣе.

— *Predestiné*, прошепталъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и сжимая записочку въ рукахъ: *predestiné!* Пуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ: нѣтъ, не то! Чѣмъ же я виновать? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало ли, что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествіемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ остепенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ.

Онъ увѣренъ былъ, что его приключеніе замѣчено со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ будто съ нимъ случилась какая нибудь неожиданная непріятность, какой нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ онъ рѣшился поднять глаза.

— Пріятно пѣли-съ! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвую его сторону.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, но преимущественно выѣзжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и, тотчасъ же сдѣлавъ руками щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобъ было слышно, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слыхалъ подобной глотки, былъ въ восторгѣ. «Ничего не замѣтилъ!» подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади его, теперь, въ свою очередь, сталъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложи. «Тоже хорошо!» подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумѣется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самаго непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и упавъ на спинку кресель, хохотала какъ изступленная.

— Охъ, ужъ эти мнѣ женщины! прошепталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Неужели правъ былъ онъ въ эту минуту? Большой театръ, какъ извѣстно, заклю-

часть въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ — галерею. Почему же непременно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой нибудь, — напримеръ, хоть изъ пятого яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но страсть исключительна, а ревность — самая исключительная страсть въ мірѣ.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталъ у лампы, сломалъ печать и прочелъ:

«Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г-вой, на углу ***скаго переулка, въ домѣ К***, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъезда. Будь тамъ, sans faute, ради Бога».

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, но сомнѣнія нѣтъ: назначалось свиданіе. «Поймать, изловить и пресѣчь зло въ самомъ началѣ», была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло въ голову изобличить теперь же, тутъ же на мѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ взбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно, онъ не зналъ: куда бѣжать. Отъ нечего дѣлать, онъ забѣжалъ съ другой стороны и посмотрѣлъ чрезъ открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Такъ, такъ! во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодая дама и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ заговорѣ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ корридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было суводлся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имена особъ, взявшихъ ложи во всѣхъ четырехъ ярусахъ, но касса уже была заперта. Наконецъ, раздался неистовыя восклицанія и апло-

диссементы. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно гремѣли съ самаго верха два голоса, — предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешъ и пустился въ Г-вую, чтобъ тамъ застать, накрыть, изоблчить и вообще поступить немного энергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро нашелъ домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками, у него проныгнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лицо этого франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогналъ его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ отворилась дверь въ третьемъ этажѣ, и отворилась безъ звонка, какъ будто ждали пришедшаго. Молодой человекъ промелькнулъ въ квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьяго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ было постоять передъ дверью, благо-разумно побдумать свой шагъ, поробѣть немного и потомъ уже рѣшиться на что нибудь очень рѣшительное; но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ отворились двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ крихтомъ и кашлемъ свое восшествіе въ верхній этажъ. Иванъ Андреевичъ не устоялъ, отворилъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорбленнаго мужа. На встрѣчу къ нему бросилась горничная, вся въ волненіи, потомъ явился человекъ; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ покои и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой,

которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ будто не понимая, что вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту послышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые прямо шли въ спальню: это были тѣ самые шаги, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ блѣже своего пенъюара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что не обдумалъ хорошо своего шага, что не поробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату... Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! не знаю, что ему помѣшало прямо стать на встрѣчу мужа, объявить, что попался въ просакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться, — конечно, не съ большою честью, конечно, не со славою, но по крайней мѣрѣ уйти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ какъ мальчикъ, какъ будто бы считалъ себя Донъ-Жуаномъ или Ловеласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въ полномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и безмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подѣйствовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Андреевичъ, самъ оскорбленный мужъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ — можетъ быть, боясь оскорбить его своимъ присутствіемъ. Такъ, или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно не понимая, какъ это сдѣлалось. Но, что всего было

удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиціи. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно странный, пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ охая и кряхтя, поздоровался съ женой на распѣвъ, самымъ старческимъ образомъ и свалился на кресла такъ, какъ будто только-что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяреннаго тигра въ ягненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышенокъ передъ котомъ, едва смѣлъ дышать отъ испуга, хотя и могъ бы знать, по собственному опыту, что не всѣ оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему въ голову или отъ недостатка соображенія, или отъ другаго какого нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ошупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобъ какъ нибудь улечься удобнѣе. Каково же было его изумленіе, когда онъ ошупалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился, и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ...

— Кто это? шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ: я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ странный незнакомецъ. Лежите и молчите, коли попались въ просакъ!

— Однакоже...

— Молчать!

И посторонній человѣкъ (потому что подъ кроватью дозволено было и одного), посторонній человѣкъ стиснулъ въ своемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Такъ не жмите же меня, или закричу.

— Ну-ка, закричите! попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ быть это былъ человекъ, испытавшій не разъ гоненія судьбы и не разъ находившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичекъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь была ему въ голову. Однакожь нечего было дѣлать; нужно было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенька, былъ, началъ мужъ:—я, душенька, былъ у Павла Иваныча. Сѣли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи, кхи, кхи! (онъ закашлялся) такъ... кхи! такъ спина... кхи! Ну ее!.. кхи! кхи! кхи!

И старичокъ погрузился въ свой кашель.

— Спина... проговорилъ онъ наконецъ со слезами на глазахъ: — спина разболѣлась... геморрой проклятый! Ни стать, ни сѣсть... ни сѣсть! Акхи, кхи, кхи!..

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старичку, обладателю этого кашля. Старичокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего пельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвиньтесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? мѣста нѣтъ.

— Однакоже, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ образомъ. Я еще въ первый разъ нахожусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ.

— Однакоже, молодой человекъ...

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человек... Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше васъ.

— Молчать!

— Милостивый государь! вы забываетесь; вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подь кроватью...

— Но меня привлекъ сюда сюрпризь... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! я постарше васъ, я вамъ говорю...

— Милостивый государь! знаете, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прошу васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! я ничего не разберу. Извините меня, но нѣтъ мѣста.

— Зачѣмъ же вы такой толстый?

— Боже! я никогда не былъ въ такомъ унижительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось; но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете...

— Я бы ровно ничего не думалъ объ васъ, еслибъ вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! если вы не подвинитесь, со мной будетъ ударъ. Вы будете отвѣчать за смерть мою. Увѣряю васъ... я почтенный человекъ, я отецъ семейства. Не могу же я быть въ такомъ положеніи!..

— Сами же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь же! вотъ вамъ мѣсто; больше нельзя!

— Благородный молодой человек! милостивый государь! я вижу, что я въ васъ ошибался, ска- залъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарно- сти за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены:—я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что же дѣлать? вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣ- нии мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой, я пришелъ сюда противъ себя, увѣряю васъ; я не затѣмъ, зачѣмъ вы думаете.. Я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Да замолчите ли вы? понимаете ли, что если услышать насъ, будетъ худо? Тсс... Онъ гово- рить. Дѣйствительно, кашель старика повидимому начиналъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хрипѣлъ онъ на са- мый плачевный напѣвъ: — такъ вотъ, душенька, кхи!.. кхи! ахъ, несчастье! Федосѣй-то Ивановичъ и говоритъ: вы бы, говоритъ, тысячелиственникъ пить попробовали; слышишь, душенька?

— Слышу мой, другъ.

— Ну, такъ и говоритъ: вы бы, говоритъ, по- пробовали тысячелиственникъ пить. Я и говорю: я пивки припускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелиственникъ лучше: онъ от- крываетъ, я вамъ скажу... кхи! кхи! охъ, Боже мой! Какъ же ты думаешь, душенька? кхи, кхи! ахъ, Создатель мой! кхи, кхи!.. Такъ лучше ты- сячелиственникъ, что ли?.. кхи, кхи, кхи! ахъ! кхи и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, отвѣчала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говоритъ, пожалуй, ча- хотка, кхи, кхи! А я говорю: подагра, да раздра- женіе въ желудкѣ; кхи, кхи! А онъ мнѣ: можетъ

881

быть, и чахотка. Какъ ты, кхи, кхи! какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздѣвлась теперь, да спать ложилась, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ: ради Бога, подвиньтесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается, ну, не можете вы спокойно лежать...

— Вы ожесточены противъ меня, молодой человѣкъ; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно, любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! не дамъ вамъ командовать! А, вы вѣрно любовникъ? Если насъ откроютъ, я ни въ чемъ не виноватъ, я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой человѣкъ, скрежеща зубами:—я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе. Тогда, по крайней мѣрѣ, не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! вы вздѣваетесь надо мной. Вы истощаете терпѣніе мое.

— Тсс! или я васъ заставлю молчать! Вы несчастъе мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я бы пролежалъ какъ нибудь до утра, а тамъ бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу же лежать до утра; я человѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи... Какъ вы думаете, неужели онъ будетъ здѣсь почевать?

— Кто?

— Да этотъ старикъ...

— Разумѣется, будетъ. Не всѣ жь такіе мужья, какъ вы. Почуютъ и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга:—будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперь въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человекъ? скажите мнѣ тотчасъ же, умоляю васъ, изъ безкорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! я употреблю насиліе...

— Но позвольте, позвольте вамъ рассказать, милостивый государь, позвольте вамъ объяснить все это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолкъ.

— Душенька! что-то здѣсь какъ будто коты шепчутся?

— Какіе коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чемъ разговаривать съ своимъ мужемъ. Она была такъ поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла уши.

— Какіе коты?

— Коты, душенька. Я намеренъ прихожу, сидитъ васька у меня въ кабинетѣ, шю, шю, шю, и шепчетъ. Я ему: что ты, васенька? а онъ опять, шю, шю, шю! И такъ, какъ будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! уль не о смерти ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какія глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебѣ неприятно, что я умру, не сердись; я только такъ говорю. А ты бы душенька, стала раздѣ-

ваться и спать легла, а я бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложишься будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь какъ будто мыши.

— Ну вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я ни... кхи! я ничего, кхи, кхи, кхи, кхи! ахъ, Боже ты мой! кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхаль, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но еслибъ вы знали, что со мной дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, но вникните въ мое положеніе; вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію... Я только интересуюсь объяснить, какимъ безмысленнымъ образомъ...

— Тсс... онъ опять говорить.

— Право, душенька, шепчутся.

Да нѣтъ же; это у тебя вата въ ухахъ дурно лежитъ.

— Ахъ, по поводу ваты. Знаешь ли, тутъ, наверху... кхи, кхи! наверху, кхи, кхи, кхи! и т. д.

— Наверху! прошепталъ молодой человѣкъ.— Ахъ, чортъ! А я думаль, что это послѣдній этажъ; да развѣ это второй?

— Молодой человѣкъ, прошепталъ встрепенувшись Иванъ Андреевичъ:—что вы говорите? ради Бога, почему это васъ интересуеть? И я думаль,

что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?..

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставшій наконецъ кашлять...

— Тсс! слышите! прошенталь молодой человѣкъ, сдавивъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насиліи. Пустите меня.

— Тсс...

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенькую... началъ старикъ.

— Какъ, хорошенькую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хорошенькую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь память слаба. Это звѣробой... кхи!

— Что?

— Звѣробой пить надо: говорятъ, лучше будетъ... кхи, бхи, кхи! лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, опять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенькую какою-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконецъ-то! экая мумія! Ну, прошенталь молодой человѣкъ, мысленно погоня забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера!..

- Тсс.
- Да, да, да! вспомнилъ: преплутовочка! Глазенки такіе... въ голубой шляпкѣ...
- Въ голубой шляпкѣ! Ай, ай!
- Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреичъ...
- Она? кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.
- Тсс! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреичъ: — онъ говоритъ.
- Ахъ, Боже мой! Боже мой!
- Ну, да, впрочемъ, у бога жъ нѣтъ голубой шляпки... ну!
- И такая плутовка! продолжалъ старикъ. — Она тутъ къ какимъ-то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаетъ. А къ тѣмъ знакомымъ тоже ходятъ знакомые...
- Фу! какъ это скучно, перебила дама: — помилуй, чѣмъ ты интересуешься?
- Ну, хорошо, ну, ну! не сердись! возразилъ старичекъ на-расвѣвъ: — ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не въ духѣ сегодня...
- Да вы какъ же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ...
- А, видите, видите! вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!
- Ну, да вѣдь мнѣ все равно! не говорите, пожалуйста! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!
- Молодой человѣкъ, не сердитесь; я не знаю, что говорю; это я такъ; я только хотѣлъ сказать, что тутъ, вѣрно, что нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе... Но кто вы, молодой человѣкъ? Я вижу, вы незнакомецъ; но кто же вы, незнакомецъ? Боже! я не знаю, что говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человекъ, какъ будто что-то обдумывая.

— Но я вамъ все расскажу, все. Вы, можете быть, думаете, что я не расскажу, что я золь на васъ, нѣтъ! вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала: какъ вы здѣсь сами? по какому случаю? Что же касается до меня, то я не сержусь, ей Богу не сержусь, вотъ вамъ рука моя. Здѣсь только пыльно; я немного запачкалъ ее; но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! тутъ повернитесь негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь! вы со мной обходитесь, какъ будто, съ позволенія сказать, со старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянiя, голосомъ, въ которомъ было слышно моленье. — Обходитесь со мной учтивѣ, хоть немножко учтивѣ, и я вамъ все расскажу! Мы бы полюбили другъ друга; я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ на обѣдъ. А эдакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человекъ! Вы не знаете...

— Когда же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человекъ, очевидно въ крайнемъ волненiи. Она, можетъ быть, теперь меня ждетъ... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? кто она? Боже мой! про кого вы говорите, молодой человекъ? Вы думаете, что тамъ на-верху... Боже мой! Боже мой! За что я такъ наказанъ?

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спину, въ знакъ отчаянiя.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чортъ! Была не была, я вылѣзаю!..

— Милостивый государь! что вы? а я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сосѣда.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставъйтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе, чтобъ не подумалъ старикъ, что я любовникъ жены его.

— Но, молодой человекъ, это невозможно; это ненатурально, коли дядя. Никто не повѣритъ вамъ. Этому вотъ такой маленькій ребенокъ не повѣритъ, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте же, а лежите себѣ смирно пластомъ! Пожалуй, ночуйте здѣсь, а завтра какъ нибудь вылѣзете; васъ никто не замѣтитъ; ужъ коли одинъ вылѣзъ, такъ вѣрно не подумаютъ, что еще остался другой. Еще бы сидѣла цѣлая дюжина! Впрочемъ, вы и одинъ стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы язвите меня, молодой человекъ... А что, если я закашляюсь? Нужно все предвидѣть!

— Тсс!..

— Что это? какъ будто наверху я опять слышу возню, проговорилъ старичекъ, который тѣмъ временемъ, кажется, успѣлъ задремать.

— На верху?

— Слышите, молодой человекъ, на верху?

— Ну, слышу!

— Боже мой! молодой человекъ, я выйду.

— А я такъ не выйду! Мнѣ все равно! Ужъ если разстроилось, такъ все равно! А знаете ли, что я подозрѣваю? Я подозрѣваю, что вы-то и есть какой нибудь обманутый мужъ — вотъ что!..

— Боже, какой цинизмъ!.. Неужели вы это подозрѣваете? Но почему же именно мужъ... я не женатъ.

— Какъ не женать? Дудки!

— Я, можетъ быть, самъ любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я все вамъ расскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женать. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства... а я любовникъ... Говорить мнѣ: «я несчастный человѣкъ, я, говоритъ, пью чашу, я подозреваю жену свою». Но, говорю я ему благоразумно: — за что же ты ее подозреваешь?.. Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! Ревность смѣшна, говорю, ревность порокъ!.. «Нѣтъ», говоритъ: «я несчастный человѣкъ! Я, того... чашу, то есть, я подозреваю. Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты удовольствія, тонули на пуховикахъ наслажденія». — Боже, я не знаю, что говорю. Вы все смѣетесь, молодой человѣкъ. Вы сдѣлаете меня сумасшедшимъ.

— Да вы и теперь сумасшедшій!..

— Такъ, такъ, я и предчувствовалъ, что вы это скажете... когда говорилъ про сумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой человѣкъ! Также и я процвѣтала въ свое время, также и я соблазняла. Ахъ! у меня сдѣлается воспаленіе въ мозгу!

— Что это, душенька, какъ будто у насъ кто-то чихаетъ? пропѣлъ старичекъ: — это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Гсс! раздалось подъ кроватью.

— Это наверху, вѣрно, стучать, замѣтила жена, испугавшись, потому что подъ кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, наверху! проговорилъ мужъ. — Наверху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика — кхи, кхи! фран-

тика съ усиками—кхи, кхи! охъ, Богъ мой—спина!.. франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы, прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человѣкъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь вмѣстѣ съ вами лежу! Какъ же бы онъ меня встрѣтилъ? Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

— Въ это время наверху дѣйствительно слышался шумъ.

— Что бы тамъ было? прошепталъ молодой человѣкъ.

— Милостивый государь! я въ страхѣ, я въ ужасѣ. Помогите мнѣ.

— Тсс!

— Дѣйствительно, душка, шумъ; цѣлый гвалтъ поднимаютъ. Да еще надъ твоей спальней. Не послать ли спросить.

— Ну, вотъ! чего ты не выдумашь!

— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..

— О, Боже мой! вы бы шли спать.

— Лиза! ты меня вовсе не любишь.

— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.

— Ну, ну! я уйду.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! не уходите, закричала жена:— или нѣтъ, идите, идите!

— Да что это ты, въ самомъ дѣлѣ! То уходите, то не уходите! Кхи, кхи! А и виравду спать... кхи, кхи! У Панафидныхъ дѣвочки... Кхи, кхи! дѣвочки... кхи! куклу я у дѣвочки видѣлъ нюренбергскую, кхи, кхи...

— Ну, вотъ куклы теперь!

— Кхи, кхи! хорошая кукла, кхи, кхи!

— Онъ прощается, проговорилъ молодой чело-

вѣкъ; — онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? радуйтесь же!

— О, дай-то Богъ! дай-то Богъ!

— Это вамъ урокъ...

— Молодой человѣкъ! за что же урокъ? Я это чувствую... Но вы еще молоды; вы не можете давать мнѣ урока.

— А все-таки дамъ. Слушайте.

— Боже! я хочу чихнуть!..

— Тес! Если вы только осмѣлитесь.

— Но что же мнѣ дѣлать? здѣсь такъ пахнетъ мышами; не могу же я; достаньте мнѣ изъ моего кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться... О, Боже, Боже! за что я такъ наказанъ?

— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ знаетъ на чемъ, вы бѣгаете какъ угорѣлый, врываетесь въ чужое жилище, производите беспорядки...

— Молодой человѣкъ! я не производилъ беспорядковъ.

— Молчать!

— Молодой человѣкъ, вы не можете читать мнѣ про нравственность: я нравственнѣе васъ.

— Молчать!

— О, Боже мой! Боже мой!

— Производите беспорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ куда дѣваться отъ страха и, можетъ быть, будетъ больна; беспокоите почтеннаго старца, удрученнаго гемороемъ, которому прежде всего нуженъ покой, — а все отчего? оттого, что вамъ вообразился какой-то вздоръ, съ которымъ вы бѣгаете по всѣмъ закоулкамъ! Понимаете ли, понимаете ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права...

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете ли, что старикъ, который любить жену, можетъ съ ума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылезать изъ подъ кровати? Но нѣтъ, вы неспособны сдѣлать трагедіи! Когда вы вылезете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захохочетъ. Я бы желалъ васъ видѣть при свѣчкахъ; должно быть, вы очень смѣшны.

— А вы-то? вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ! Я тоже хочу посмотрѣть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! вы про нравственность! А почему вы знаете, зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой; я ошибся этажемъ.

И чортъ знаетъ, почему меня впустили! Вѣрно она въ самомъ дѣлѣ ждала когонибудь (не васъ, разумѣется). Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую походку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ тому же, было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старикъ. Вѣдь я отчего не выхожу? Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь выйти? Нѣтъ, сударь, я бы ужъ давно вышелъ, да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сижу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень стоять передъ ними, вѣдь вы не найдете...

— Нѣтъ, отчего же: какъ пень? Отчего же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ чѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отчего же не найдусь? Нѣтъ, я найдусь.

О, Боже мой, какъ лаеетъ эта собаченка!

— Тс! Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... Это оттого,

что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собаченку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О, Боже мой! какая глупая собаченка! прошептала Иванъ Андреевичъ;—она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да: вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка:—ісі, ісі.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Амишка все лаетъ? проговорилъ старичекъ.—Тамъ вѣрно мыши, или котъ-васька сидитъ. То-то я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ.... А вѣдь у васьки-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошептала молодой человекъ:—не ворочайтесь! Она, можетъ быть, такъ и отстанетъ.

— Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс! — молчать!

— Но, помилуйте, молодой человекъ; она меня за носъ кусаетъ! Вы хотите, чтобъ я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ въ-свободилъ свои руки. Собачка заливалась отъ лая; вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Извергъ! что вы дѣлаете? прошептала молодой человекъ: — вы губите насъ обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ ее душитъ!

Не душите! пустите ее! Извергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердца женщины! Она насъ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

Но Иванъ Андреевичъ уже ничего не слыхалъ. Ему удалось поймать собачку, и въ припадкѣ самохраненія онъ сдавилъ ей горло. Собачонка взвизгнула и испустила духъ.

— Мы пропали! прощенталь молодой человекъ.

— Амишка! Амишка! закричала дама: — Боже мой, что они дѣлаютъ съ моимъ Амишкой? Амишка! Амишка! ісі! О изверги! варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? что такое? закричалъ старичокъ, вскочивъ съ кресель: — что съ тобой, душа моя? Амишка здѣсь! Амишка, Амишка, Амишка! кричалъ старичекъ, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку изъ подъ кровати. Амишка! ісі! ісі! Не можетъ быть, чтобы васька тамъ съѣлъ его. Нужно выесть ваську, мой другъ; его, плута, уже цѣлый мѣсяцъ не съѣли. Какъ ты думаешь? Я посоветуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой? Ты поблѣднѣла, охъ! охъ! люди! люди!

И старичекъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! изверги! кричала дама, покотившись на кушетку.

— Кто? кто? кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужіе!.. тамъ подъ кроватью! О, Боже мой! Амишка! Амишка! что они съ тобой сдѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! какіе люди! Амишка... Нѣтъ, люди, люди, сюда! Кто тамъ? кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать:—кто такой? Люди, люди!..

Иванъ Андреевичъ лежалъ, ни живъ, ни мертвъ, подлѣ бездыханнаго труна Амишки. Но молодой человекъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ

старикъ зашелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ вылѣзъ изъ подъ кровати и пустился бѣжать, покаместъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, взглянувъ въ молодого человѣка:—кто же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ.—Онъ виновникъ амишкиной смерти!

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человѣкъ уже исчезъ изъ комнаты.

— Ай! здѣсь кто-то есть. Здѣсь чей-то сапогъ! закричалъ мужъ, поймавъ за ногу Ивана Андреевича.

— Убійца! убійца! кричала дама:—о Ами! Ами!

— Вылѣзайте, вылѣзайте! кричалъ старикъ, тоная по ковру обѣими ногами:—вылѣзайте; кто вы таковы? говорите, кто вы таковы? Боже! какой странный человѣкъ!

— Да это разбойники!...

— Ради Бога, ради Бога! кричалъ Иванъ Андреевичъ, вылѣзая:—ради Бога, ваше превосходительство, не зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей! это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!... Я не такой человѣкъ! Я самъ по себѣ... Ваше превосходительство, это случилось по ошибкѣ! Я вамъ сейчасъ объясню, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, рыдая и всхлипывая. Это все жена, то есть, не моя жена, а чужая жена,—я не женатъ, я такъ... Это мой другъ и товарищъ дѣтства...

— Какой товарищъ дѣтства! кричалъ старикъ, тоная ногами: — вы воръ, пришли обокрасть... а не товарищъ дѣтства...

— Нѣтъ, не воръ, ваше превосходительство; я

Чужая жена.

дѣйствительно товарищ дѣтства... я только нечаянно ошибся, пональ съ другаго подѣзда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, изъ какого подѣзда вы вылѣзли.

— Ваше превосходительство! Я не такой чело-вѣкъ. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы въ же-стокомъ заблужденіи, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что я не могу быть воромъ. Ваше превосходительство! ваше пре-восходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ, скла-дывая руки и обращаясь къ молодой дамѣ:—вы, дама, поймите меня... Это я умертвилъ Амишку... Но я не виноватъ, я, ей-Богу, не виноватъ... Это все жена виновата. Я несчастный чело-вѣкъ, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое же мнѣ дѣло, что вы выпили чашу; можетъ быть, вы и не одну чашу выпили,—судя по вашему положенію, оно и видно; но какъ же вы зашли сюда, милостивый государь? кричалъ старикъ, весь дрожа отъ волненія, но дѣйствительно удостовѣрившись, по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что Иванъ Андреевичъ не можетъ быть воромъ. — Я васъ спрашиваю: какъ вы зашли сюда? Вы, какъ разбойникъ...

— Не разбойникъ, ваше превосходительство. Я только съ другаго подѣзда; право, не разбой-никъ! Это все отъ того, что я ревнивъ. Я вамъ все расскажу, ваше превосходительство, откровен-но расскажу, какъ отцу родному, потому что вы въ такихъ лѣтахъ, что я могу принять васъ за отца.

— Какъ въ такихъ лѣтахъ?

— Ваше превосходительство! Я, можетъ быть, васъ оскорбилъ? Дѣйствительно, такая молодая дама... и ваши лѣта... пріятно видѣть ваше пре-

восходительство, дѣйствительно, пріятно видѣть такое супружество... въ цвѣтѣ лѣтъ... Но не зовите людей... ради Бога, не зовите людей... люди только будутъ смѣяться... я ихъ знаю... То есть, я не хочу этимъ сказать, что я знакомъ съ одними лакеями — у меня тоже есть лакеи, ваше превосходительство, и все смѣются... ослы! ваше сіятельство... Я, бажесть, не ошибаюсь, я говорю съ княземъ...

— Нѣтъ, не съ княземъ, я, милостивый государь, самъ по себѣ... Пожалуйста, меня не задабривайте вашимъ сіятельствомъ. Какъ вы попали сюда, милостивый государь? какъ вы попали?

— Ваше сіятельство, то есть, ваше превосходительство... извините, я думалъ, что вы ваше сіятельство. Я осмотрѣлся... я обдумался, — это случается. Вы такъ похожи на князя Короткоухова, котораго я имѣлъ честь видѣть у моего знакомаго, господина Пузырева... Видите, я тоже знакомъ съ князьями, тоже видѣлъ князя у моего знакомаго: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не воръ. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете людей, что жь изъ этого выйдетъ?

— Но какъ вы сюда попали? закричала дама:— кто вы таковы?

— Да, кто вы таковы? подхватилъ мужъ: — а я-то, душенька, думаю, что это васька у насъ подъ кроватью сидитъ и чихаетъ. А это онъ. Ахъ ты, потаскунъ, потаскунъ!.. Кто вы такой? Говорите же!

И старичекъ снова затопалъ по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамѣсть вы кончите... Внимаю вашимъ остроумнымъ шуткамъ. Что же касается до меня, то это смѣшная исторія, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу. Это можетъ все

и безъ того объясниться, то есть, я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! поступите со мной благороднымъ образомъ... Это ничего, что я посидѣлъ подъ кроватью... я не потерялъ этимъ своей важности. Это исторія самая комическая, ваше превосходительство! вскричалъ Иванъ Андреевичъ, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ супругѣ;—особенно вы, ваше превосходительство, будете смѣяться! Вы видите на сценѣ ревниваго мужа. Вы видите, я унижаюсь, я самъ добровольно унижаюсь. Конечно, я умертвилъ Амишку, но... Боже мой, я не знаю, что говорю!

— Но какъ же, какъ вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою... Виноватъ! простите меня, ваше превосходительство! Униженно прошу извиненія! Я только оскорбленный мужъ, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтобъ я былъ любовникъ: я не любовникъ! Ваша супруга очень добродѣтельна, если осмѣлюсь такъ выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? что? что вы осмѣливаетесь говорить? закричалъ старикъ, снова затопавъ ногами.— Съ ума вы сошли, что ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Амишку! кричала супруга, заливаясь слезами.— И онъ еще смѣетъ!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ:—я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я бы подаль вамъ руку, но я не смѣю подать ее... Я былъ не одинъ, я дядя... т. е. я хочу

сказать, что меня нельзя принять за любовника... Боже! я опять завираюсь... Не обижайтесь, ваше превосходительство, кричалъ Иванъ Андреевичъ супругъ. Вы дама, вы понимаете, что такое любовь, — это тонкое чувство... Но что я? опять завираюсь! т. е. я хочу сказать, что я старикъ, т. е. пожилой человѣкъ, а не старикъ, — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, т. е. Ловелласъ... я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу. Вы смѣетесь, ваше превосходительство! Радъ, радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ, ваше превосходительство. О, какъ я радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ!

— Боже мой! какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, и какой запачканный, заговорилъ старикъ, въ радости, что засмѣялась жена. — Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно странно! дѣйствительно странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подъ кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо Ринальдини, нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Эдакая шерсть длинная, ножки коротенькія, двухъ шаговъ пройти не умѣтъ: побѣжить, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непременно ее принесу.

— Ха, ха, ха, ха, ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ, отъ смѣха. — Боже

мой, со мной сдѣлается истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! ха, ха, ха! вхи, кхи, кхи! смѣшной, запачканный такой, вхи, кхи, кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, но теперь открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее.

— Жена, его жена! кричала дама, со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Онъ женатъ! не-уже-ли? Вотъ бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена—и она всему виновата, т. е. это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе,—здѣсь наверху; я перехватилъ записку, ошибся этажемъ и пролежалъ подъ кроватью...

— Хе, хе, хе, хе!

— Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха, ха! захохоталъ наконецъ Иванъ Андреевичъ.—О, какъ я счастливъ! о, какъ умиленно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь непременно такъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха, кхи, вхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ наконецъ старикъ, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! Кто?

— Это та хорошенькая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та; я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать. — Бѣгите, ступайте на верхъ. Можеть быть, вы ихъ застанете...

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣ. Она теперь дома! А это я! Я только ревнивъ и болѣе ничего... Какъ вы думаете, неужели я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха!

— Хи, хи, хи! Кхи, кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ прійдите разказать, кричала дама: — или нѣтъ: лучше завтра утромъ, да приведите и ее: я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непремѣнно приведу; очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!

— Принесу, ваше превосходительство, непременно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому что уже было раскланялся и вышелъ. — Непремѣнно принесу. Такая хорошенькая! точно ее кандитеръ изъ конфетовъ сдѣлалъ. И такая: пойдетъ—въ собственной шерсти запутается и упадетъ. Такая, право! Я еще женѣ говорю: «что это, душечка, она все падаетъ?» — Да, миленькая такая! говоритъ. Изъ сахару, ваше превосходительство, ей Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство, очень, очень радъ познакомиться, очень радъ познакомиться!

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! Милостивый государь! Пойдите, во-

ротитесь опять! закричалъ старичокъ вслѣдъ уходящему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я, вотъ, васьки-кота все не отъищу. Не встрѣчались ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство; впрочемъ, очень радъ познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперь насморкъ, и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо высѣчь!

— Да, ваше превосходительство, конечно; — исправительныя наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительныя наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!.. ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только объ этомъ.

Вышедъ на улицу, Иванъ Андреевичъ стоялъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба, зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково же было его изумленіе, когда дома онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно пріѣхала изъ театра, уже давно какъ у ней разболѣлись зубы, какъ послала за докторомъ, какъ послала за шивками, и какъ она теперь лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударилъ себя сначала по лбу, ногомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и, наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы проводите время? Посмотрите,

на кого вы похожи. На васъ лица нѣтъ! Гдѣ это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умираетъ, а васъ не сыщутъ по городу. Гдѣ вы были? Уж не опять ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ! Скоро пальцами указывать будутъ!

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервать начатую рѣчь, за тѣмъ, что недоставало ни словъ, ни мысли, ни духа... Каково же было его изумленіе, страхъ, ужасъ, когда, вмѣстѣ съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Амишка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вылѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Амишку, въ припадкѣ безотчетнаго страха, въ карманъ, съ отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга: — мертвая собачонка! Боже! Откуда... Что это вы?.. Гдѣ вы были? Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?..

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Амишки: — душечка...

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя, — до другаго раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда нибудь мы доскажемъ, госнода, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: даже — несчастіе!..

ВЪ МАГАЗИНѢ О. СТЕЛЛОВСКАГО,
поставщика Двора Его Императорскаго Величества,
въ *Больш. Морской, въ д. Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ЛИБРЕТТО ОПЕРЪ,
по 50 коп. за экземпляръ.
НА РУССКОМЪ И ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ
СЪ МУЗЫКОЙ.

Баль-Маскарадъ. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Верди.*
Донъ-Жуанъ. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Моцарта.*
Лукреція Борджіа. Опера въ трехъ дѣйств., муз. *Доницетти.*
Отелло. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини.*
Робертъ-дьяволъ. Опера въ пяти дѣйств., музыка *Мейербера.*
Севильскій цирюльникъ. Опера въ двухъ дѣйств., муз. *Россини.*
Трубадуръ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*
Фиделіо. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Бетховена.*
Эрнани. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*

БЕЗЪ МУЗЫКИ.

Африканка. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Мейербера.*
Беатриче ди Тенда. Опера въ двухъ дѣйств., муз. *Беллини.*
Бѣлая дама. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Бозальды.*
Геркуланумъ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, муз. *Давида.*
Графъ Ори. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини.*
Дипора (Le Pardon de Ploërmel). Опера *Мейербера.*
Донъ Пасквале. Опера въ трехъ дѣйств., музыка *Доницетти.*
Донъ Сабастіанъ. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, муз. *Доницетти.*
Дочь полка. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Доницетти.*
Зора. (Mose in Egitto). Опера въ четырехъ д., муз. *Россини.*
Капулетти и Монтекки. Опера въ четырехъ д., муз. *Беллини.*
Линда ди Шамуни. Опера въ трехъ дѣйств., муз. *Доницетти.*
Ломбардцы. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*
Луиза Миллеръ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*
Лучія. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Доницетти.*
Любовный напитокъ. Опера въ двухъ д., муз. *Доницетти.*
Марія де Роганъ. Опера въ трехъ дѣйств., музыка *Доницетти.*

Марта. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Микельанджело и Ролла. Опера въ трехъ д., муз. *Ф. Риччи*.
Норма. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Осада Генга. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Мейербера*.
Поліевктъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Доницетти*.
Пуритане. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Риголетто. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Саффо. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Пачини*.
Сомнамбула. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Сила судьбы. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Сорока-воровка. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини*.
Страделла. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Травіата. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Фаворитка. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Доницетти*.
Фаустъ. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Гуно*.
Фіорина. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Педротти*.
Ченерентола. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини*.

НА ОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Аскольдова могила. Опера въ четырехъ д., муз. *Верстовскаго*.
Вильгельмъ Телль. Опера въ четырехъ дѣйств., муз. *Россини*.
Влюбленная Баядерка. Опера, въ двухъ дѣйств. муз., *Обера*.
Волшебный стрѣлокъ. Опера въ трехъ д., музыка *Вебера*.
Гугеноты. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Мейербера*.
Жизнь за Царя. Опера въ четырехъ д., муз. *М. И. Глинки*.
Жидовка. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Галеви*.
Запорожець за Дунаемъ. Опера въ трехъ д., *С. Артемовскаго*.
Королева кипрская. Опера въ пяти дѣйствіяхъ муз. *Галеви*.
Кроатка. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Дюшиса*.
Лозинринъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Вагнера*.
Молнія. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Галеви*.
Наида. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Наташа. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Вильбоа*.
Оберонъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ музыка *Вебера*.
Рогифда. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *А. Н. Сьрова*.
Русалка. Опера въ пяти д., музыка *А. С. Даргомыжскаго*.
Русланъ и Людмила. Опера въ пяти д. муз. *М. И. Глинки*.
Фенелла. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Обера*.
Фра-дьяволо. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ музыка *Обера*.
Цампа. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Герольда*.
Цыганка. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Бальфа*.
Юдишь. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *А. Н. Сьрова*.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Θ. ДОСТОЕВСКАГО.

Игрокъ. Романъ.	1
Двойникъ. Петербургская повѣсть	75
Бѣдные люди. Романъ	75
Бѣлая ночь. Романъ	40
Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ	30
Дядюшкинъ сонъ. Романъ	50
Елка и свадьба. Разсказъ	30
Записки изъ мертваго дома. Дополненное новой главой „Товарищи“ во второй части	1 50
Записки изъ поднолья. Повѣсть	60
Зимняя замѣтка о лѣтнихъ впечатлѣнiяхъ. Разсказъ.	40
Крокодилъ. Необыкновенное событiе въ Пассаждѣ	30
Маленькiй герой. Разсказъ	40
Неточка Незванова. Романъ	75
Село Степанчиково. Романъ	1
Скверный анекдотъ. Разсказъ.	40
Слабое сердце. Повѣсть	30
Униженные и оскорбленные. Романъ	2
Хозяйка. Повѣсть	50
Честный воръ. Разсказъ.	30
Чужая жена и мужъ подъ кроватью. Разсказъ	40

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНIЙ

Θ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

вновь напечатанное въ трехъ томахъ, цѣна для гг. подписывающихся на „Полное собранiе сочиненiй русскихъ авторовъ“ 4 р. 50 коп. въ отдѣльной же продажѣ цѣна 9 р. сер. съ пересылкою.

Гг. Иногородные благоволятъ присылать свои требованiя въ магазинъ Θ. Стелловскаго, въ С. Петербургѣ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

20260-0

третьемъ томѣ) и сочиненія **Вс. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комингъ», и комедія «Шлохондрикъ» соч. **А. О. Писемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя», соч. **А. О. Писемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ», соч. **А. О. Писемскаго**.

Въ четвертый: поэмы, лирическіе стихи, сказки, повѣсти и рассказы, **Вс. В. Крестовскаго**. Первый томъ его сочиненій, (напечатанъ вторымъ изданіемъ.)

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маргера», «Людернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Мятель», «Поликушка», «Казакъ», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертваго дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчицъ», «Бѣдные люди», «Бѣлая ночь» и «Честный воръ», соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ девятый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Неточка Незванова», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Ирокъ», новый романъ, написанный для этого изданія и нигдѣ еще не напечатанный, соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ десятый: «Петербургскія трущобы», романъ въ шести частяхъ, соч. **Вс. В. Крестовскаго**. (Второй томъ его сочиненій).

Въ одиннадцатый: «Взбаломученное море» романъ въ шести частяхъ, вновь просмотрѣнный, исправленный и дополненный

самимъ авторомъ. — «*Батька*», рассказъ, — «*Записки чорта*», — «*Завѣщаніе*» рассказъ, — «*Путевые очерки: Астрахань*», «*Армяне*», «*Татары*», «*Калмыки*», «*Бирючья коса*», «*Баку*», «*Тюкъ-караганскій полуостровъ*» и «*Тюлень острова*». — «*Записки Салакушки*», «*Русскіе муны*» очерки и «*Самоуправы*» трагедія, соч. А. О. Писекаго, (четвертый томъ его сочиненій).

Въ двѣнадцатый: «*Варшавскія катакомбы*», «*Петербургскіе карточки петербургской жизни*», очерки, — «*Петербургскіе типы*» очерки, и *всѣ сочиненія*, въ прозѣ и стихахъ, написанныя съ 1862 г. до Ноября 1867 года Всеволодомъ Крестовскимъ. (Третій томъ его сочиненій).

Въ тринадцатый: Всѣ сочиненія Грибоѣдова, Дмитріева и Батюшкова, въ новомъ, просмотрѣнномъ видѣ.

Въ четырнадцатый: „*Тамаринъ*“, романъ въ трехъ повѣстяхъ: 1) *Варянка*, — 2) *Записки Тамарина*, — 3) *Ивановъ*; вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. „*Леные дни*“ Идиллія, „*Горы*“ рассказъ, „*Деревенскій визитъ*“ анекдотъ, „*Нынѣшняя любовь*“ повѣсть, и «*Поѣздка на кумызъ и письма съ дорожъ*“, соч. М. В. Авдѣва.

Въ пятнадцатый: „*Подводный камень*“, романъ въ двухъ частяхъ, вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. — „*Огненный змій*“, рассказъ, — «*Дорожныя замѣтки*» изъ поѣздки на Кавказъ, — «*Порядочный человекъ*» повѣсть, — «*Письма изъ за границы*», — «*На дорогѣ*» повѣсть, — соч. М. В. Авдѣва.

Въ шестнадцатый: Всѣ сочиненія Фонъ-Визина и Кайниста, въ новомъ, просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ.

Въ семнадцатый: Всѣ сочиненія князя В. О. Одоевскаго, вновь просмотрѣнные и исправленные самимъ авторомъ.

Въ восемнадцатый и девятнадцатый: Всѣ сочиненія Ломоносова и Карамзина, въ новомъ, просмотрѣнномъ изданіи.

Въ двадцатый: Всѣ сочиненія О. М. Достоевскаго, написанныя съ 1866 по 1869 годъ. (Четвертый томъ его сочиненій).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома три р., а по продолжающейся на изданіе это подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится три р. с. за *послѣдніе два выпуска*, которыми окончится изданіе «*Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ*», и предоставляется подписчику *право получить* какъ вышедшіе, такъ и *всѣ* имѣющіе выйдти въ свѣтъ *выпуски* этого изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфerta, № 27.

ИНВ. М. В. - 484

